

УДК 821.161.1-1.Ширяев«20»

Фокина С. А.

кандидат филологических наук, доцент
кафедра мировой литературы
Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова,
Французский бульвар, 24/26, 65058, г. Одесса, Украина.
svetlana_fokina@ukr.net

**СМЫСЛОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ ДЖАЗОВЫХ КОННОТАЦИЙ
В ПОЭТИЧЕСКОМ МИРЕ А. ШИРЯЕВА**

В статье внимание сосредоточено на осмыслении понятия «джазовый экфрасис» и раскрывается его потенциал. Рассмотрено как экфрасис в целом обладает высокой степенью интерпретационного потенциала, актуализирующего в восприятии читателя авторские интенции. Проанализирована символическая специфика джаза в соответствии с экспликацией тем пассионарности и страстей. Выявлено насколько джазовый экфрасис способствует процессу семиотизации страстей. Изучено как джазовый экфрасис выражает через определенную знаковую и символическую систему различные варианты развития лирического сюжета. Показано как важный аспект джазовой художественной идеологии – потенциальная диалогичность – способствует семиотизации страстей с помощью джазовых кодов и метафор. На материале стихотворения Андрея Ширяева «Росчерк ветра. Взбегаю по клавишам...» проиллюстрировано корреляцию кодов джазового экфрасиса и семиотики страстей как показателей мифологизированного волей поэта авторского сознания. Проанализировано, как тема музыки в стихотворении А. Ширяева нерасторжимо связана с переживанием экстаза и джазовых ассоциаций, акцентированных автором.

Ключевые слова: джазовый экфрасис, семиотизация страстей, музыкальные коды, авторский миф.

Актуальность заявленной в названии статьи проблемы обусловлена как вниманием современного литературоведения к феноменам интермедийности, так и стремлением научной мысли исследовать своеобразие современной лирики.

Изученность вопроса. Лирика А. Ширяева уже начинает получать признание. Этот процесс изначально был обусловлен стараниями друзей поэта. Позже – в 2016 году, поэт посмертно был удостоен премии «Писатель XXI века» за несомненную незаурядность дара и книгу стихов А. Ширяева «Случайный ангел». В предисловии к данному изданию Ю. Степанов отмечает: «Андрей Ширяев – выдающийся поэт, один из ярчайших представителей нашего литературного поколения» [7, 5]. Как видно из оценки Ю. Степанова, которую поддерживают весьма благожелательные отзывы о ширяевском творческом наследии (П. Басинский, А. Карпенко, Л. Каганов, М. Марговская, В. Седов). Но,

в то же время исследование феномена данного поэта в рамках научного дискурса требует пристального внимания.

Цель данной статьи – на материале стихотворения Андрея Ширяева «Росчерк ветра. Взбегаю по клавишам...» проанализировать смысловой потенциал джазового экфрасиса в авторском мире современного поэта.

Понятие «джазовый экфрасис» адекватно для определения не только особого типа текста, но и активизируемых им механизмов семиотизации. Смысловая двоякость данной дефиниции показательна в плане расширения границ «музыкального экфрасиса», с соответствующим вниманием к самобытности джаза как: а) особого типа музыкальности, б) эпистемы определенной культуры, в) аксиологической метафоры. Экфрасическая активность джазовой музыки в поэтическом тексте может варьироваться от передачи особого лирического настроения до очерчивания границ мира и места «я» в нем. Джазовый экфрасис выражает через определенную знаковую и символическую систему различные варианты развития лирического сюжета, выявляя потаенные либо же неизбежно рвущиеся наружу чувства. Импровизация и обыгрывание в данном случае спектра авторских, культурных и непосредственно музыкальных кодов способствует семиотизации страстей, созвучных экстажности джаза.

Но чтобы в достаточной мере использовать как рабочую и ключевую категорию «джазовый экфрасис», необходимо разобраться в терминологической специфике экфрастичности в целом.

Согласно мысли Л. Геллера, экфрасис неразрывно связан с феноменом, именуемым в современном литературоведении интермедийностью. Более того, «экфрасис переводит в слово не объект <...> и не код <...>, а восприятие объекта и толкование кода» [1, 10]. Л. Геллер также выделяет как отдельный подтип «музыкальный экфрасис», замечая, что «живописно-музыкальный экфрасис вызывает к жизни персонажи, предметы и места <...> ... метонимии музыкальных ситуаций, настроений и звучаний» [1, 15]. Несомненно, экфрасис в целом обладает высокой степенью интерпретационного потенциала, актуализирующего в восприятии читателя авторские интенции. Музыкальный потенциал экфрасически соотносится с фиксацией определенных пластов культуры, маркированных музыкальными кодами, при этом вступая в диалог с семиозисом авторского сознания, обыгрывая различные эмоциональные проявления.

По наблюдению С. Франк, «экфрасис сродни жанру комментария <...> не может существовать без объекта и не может заместить его, в то же время, он пытается поставить себя выше объекта и предвосхитить его» [8, 34]. Комментирующий элемент экфрасиса осуществляющийся с помощью интерпретации, вектор которой как задан автором, так и инициируется читателем. Фактор комментирования, присущий природе экфрасиса, подразумевает концептуальное уточнение и развитие того, что не высказано в тексте прямо. Именно экфрасис актуализирует не только внутритекстовые, но и контекстуальные, интертекстуальные и подтекстовые связи.

С точки зрения Н. Меднис, «в большинстве случаев экфрасис ориентирован на выражение того, что в литературе мы назвали бы *подтекстом...*» [5, 65]. В экфрасической специфике Н. Меднис также акцентирует важность фактора воображения, отмечая, что семиотические процессы, связанные с природой экфрасиса, «совершаются именно в промежуточной сфере воображения, которая несет в себе потенциал удвоения» [5, 59]. Таким образом, границы текста расширяются за счет факторов визуализации, грёзовидения, припоминания, внимания к свободным ассоциациям, а главное, диалога авторского сознания со своим творчеством, личным опытом, культурой и эпохой в целом.

Р. Ходель определяет экфрасис как «*мимесис состояния*», при этом отмечая понятийную близость экфрасиса и метафоры. Ученый подчеркивает особый медиальный статус экфрасиса, что обуславливает «посреднический характер, как языка, так и образа» [9, 25]. Показательно, что экфрасичность обладает одновременно метафорической и миметической природой, направленной на конкретизацию подразумеваемого объекта или же ассоциативного ряда. Можно предположить, что эта особенность экфрасичности актуализирует механизмы, связанные с процессом семиотизации страстей.

По замечанию А. Ж. Греймаса и Ж. Фонтаня, «представление о “страсти” меняется в зависимости от места или эпохи, и что в определенной мере артикуляция мира страстей определяет культурные особенности» [3, 29]. Так XXI век наследует из предшествующего ему столетия, символично названного «Веком джаза», представление о джазе как своего рода эпистеме, отличающейся высокой степенью символического и метафорического потенциала. По замечанию Н. А. Полищук – автора статьи о культурной специфике и особенностях самоидентификации джаза в литературе, для современных стратегий гуманитаристики весьма актуально «использовать джаз как центральную метафору, методологию анализа или даже метаязык» [6, 171]. Джаз, в данном аспекте, может рассматриваться как фактор семиотизации человеческих чувств, а джазовая импровизация ассоциироваться с воплощением страстности. По утверждению авторов «Семиотики страстей», «... для *человеческого мира* напряженность – это одна из основных особенностей внутреннего пространства, которое мы признаем и определяем как наложение естественного мира на субъект, с целью построения собственного способа семиотического существования» [3, 29]. Джазу в свою очередь, помимо исконно присущей ему синкретичности, «свойственны ***внутренние напряжения и противоречия*** (курсив мой) – между расовой идентичностью и многонациональной культурой, между оригинальностью и заимствованием, традицией и импровизацией» [6, 170]. Важный аспект джазовой художественной идеологии – потенциальная диалогичность – способствует семиотизации страстей с помощью джазовых кодов и метафор. Джаз как своеобразная эпистема подразумевает весьма широкий и неизменно варьирующийся спектр значений. Крайними сторонами парадигмы в данном случае окажутся как пассионарность человеческой природы, так и

переживание своего рода экстаза. Импровизационный характер джаза и как музыки, и как метафоры взгляда на мир с соответствующими эстетическими и аксиологическими доминантами, неизменно предполагает «создание произведения в процессе свободного фантазирования, экспромтом» [4, 247]. Выше описанные аспекты находят соответствия в меняющемся характере человеческих чувств и отражении их интенсивности и потенциальной пограничности страстей.

Джазовая импровизация по своей семиотической природе близка циркизации, доминантной эпистемной метафоре авангардной эстетики. Так по замечанию видного исследователя авангарда Ю. Гирина, «неукорененность человека в собственном Я как раз и отливаются в характерных мифообразах цирка, площадного действия, массовой жестуальности...» [2, 33]. В джазовой культуре образ «я в мире» весьма подвижен и идентифицируется лишь в акте импровизации, которая не только стала одной из определяющих джазовых интенций еще в начале его становления, но и позволила мифологизировать джаз, представляя его воплощением стихии, свободы, страсти. Эта особенность позволяет в семиотической природе джаза усматривать механизмы циркизации. Постоянный поиск, как своего рода экзистенциал, определяет характер принципиальной пограничности джаза.

Импровизационное бесконечное изменение границ в джазе, соответствующее символическим и смысловым показателям цирка как модели мира, в то же время близко и шаманическим практикам выхода сознания за свои пределы. По наблюдениям М. Элиаде, «любые экстатические переживания, которые определяют призвание будущего шамана, несут в себе традиционную схему церемонии посвящения: страдание, смерть и воскрешение» [10, 25]. Джазовому постижению мира присущ медитативный и вместе с тем игровой характер. Экспликация с помощью джазового семиозиса потаенных страстей маркирована совмещением или же постоянным балансированием между трагичностью и циркизацией, созвучному дионисийскому мироощущению. Если по утверждению М. Элиаде, «плакальщица играет роль проводницы душ, хотя она лично и не провожает умершего» [10, 194], то образ исполнителя джаза сближается не только с образом мага и циркача, но и расширяется до медитативной роли обладателя способности сопрягать мир живых и мир теней, универсумы яви и грезы, даруя радость, переходящую в экстаз и трагичность переживания, обредающую в своей подлинности утешение.

Тема музыки в ширяевском стихотворении нерасторжимо связана с переживанием экстаза и джазовых ассоциаций, акцентируемых автором.

*Росчерк ветра. Взбегаю по клавишам – чёрным, белым,
нежным, яростным, сумасшедшим; ловлю грааль,
отпиваю от края, зажмурившись. Боль. Рояль.
Лето. Лестница. Искры за длинным прозрачным телом.
Эта чаша похожа на море чуть ниже Кубы,*

*на горячую точную ноту. Покажем класс.
Саксофон. Изогнутый воздух щекочет губы.
Ты не видишь меня, но зачем-то играешь – джаз.*

*Позабывтое чувство жизни. Ритмичный свет
заливает зрачки, срывает с бокалов пену.
...на прощанье махнув рукой, ухожу сквозь стену.
Улыбаешься вслед. Ты всегда улыбаешься вслед.*

2013

Все стихотворение А. Ширяева строится на смешении контрастов: нежности – ярости, легкости – трагичности, случайности – предрешенности, символически соответствуя джазовой импровизации. Изначально задается тема подъема соотносимого с единением черного и белого: «*Взбегаю по клавишам – чёрным, белым*». Рояль превращается в лестницу, что обыгрывает смысловой потенциал мифологемы Лестница Иакова. Это стремительное восхождение позволяет лирическому герою, утрачивая обыденность и привычную телесность («*Искры за длинным прозрачным телом*»), стать подобным ветру, обретая «*Позабывтое чувство жизни*». Так возникает мотив вознесения как духовного подъема, квинтэссенции наслаждения и экстатического накала страстей.

Грааль, выступающий здесь в качестве синонима наслаждения, кайфа, а в подтексте являясь символом познания, вмещает в себя единение противоречий и человеческих страстей. Джаз по воле автора соотносится с обретением полноты жизни, противостоя призрачности существования лирического героя. Тема призрачности притягивает образ царства теней, куда спускается Орфей, одна из любимых тем А. Ширяева. В Аду находится и бодлеровский Дон Жуан, гордое безразличие которого в авторском мифе современного поэта оборачивается сопричастием духу джаза, способного избавлять от любых пут. Джаз преобразует пространство инобытия в рай.

Лирический герой получает свободу и способность грезить, преображая боль и утраты в упоение джазом. Но джаз, как и рояль не только авторские символы познания и преображения, дарующие способность к полету и экстазу, но и метафоры обретения нового рая взамен потерянного Эдема: «*Эта чаша похожа на море чуть ниже Кубы*».

Так личностное бытие лирического героя, наполненное в подтексте особенностями биографии самого А. Ширяева – эмиграция в Эквадор, болезнь, отношение к жизни, расширяется до проявления сущности первочеловека Адама, вернувшегося в рай, вновь вкусив с Древа познания.

Испитие из чаши означает и принятие данной свыше судьбы, но в контексте ширяевских кодов получает и противоположное значение: изменение сужденной доли, ее преображение с помощью причащения музыкой и волшебным напитком. Ширяев изначально указывает черные и белые клавиши рояля как че-

ловеческий и личный путь, путь восхождения духа, что задает важный аспект восприятия противоположностей как принципиально нерасторжимых. В ширяевском тексте явлена амбивалентность мира и человека в нем, одержимого разными страстями, делающими его счастливым и несчастным, избранным и низверженным, подобным богам и призракам. В стихотворении сплетаются темы соблазна и возвышения, колдовских чар и божественного откровения, явленного лирическому герою в музыке его страстей, превращая «горячую точную ноту» жизни в джаз.

Джаз переходит в танец, празднование и даже карнавал, совмещая апокалипсические мотивы разрушения («Ритмичный свет / заливаает зрачки, срывает с бокалов пену...») и одновременное обретение радости и благодати.

Тема взаимоотношений с самим собой, варьирующаяся в лирическом сюжете стихотворения, задает не только атмосферу карнавальности, но и тон исповедальности, игровой характер которой только должен побудить в пространстве грёзы к большей искренности и возможности признания в том, что обычно сокрыто.

Подводя итоги, следует отметить, что джазовый экфрасис как особый тип текста и авторского взгляда на мир соответствует процессам семиотизации страстей. В авторском мифе А. Ширяева джазовый экфрасис адекватен духу пассионарности лирического сюжета, семиотизируя как потаенные страсти самого автора, так и их отзеркаливание в мифологизированном сознании лирического «я».

Список использованной литературы

1. Геллер Л. Воскрешение понятия, или Слово об экфрасисе / Л. Геллер // Экфрасис в русской литературе : труды Лозаннского симпозиума / [под ред. Л. Геллера]. – М. : МИК, 2002. – С. 5–22.
2. Гири́н Ю. Н. Литература в системе культуры авангарда : автореф. на соискание ученой степени док. филол. наук : спец. 10.01.03 «Литература народов стран зарубежья» / Ю. Н. Гири́н. – М., 2013. – 50 с.
3. Греймас А. Ж. Семиотика страстей. От состояния вещей к состоянию души [пер. с фр. И. Г. Меркуловой] / А. Ж. Греймас, Ж. Фонтаний. – М. : ЛКИ, 2007. – 336 с.
4. Коллиер Дж. Л. Становление джаза ; [пер. с англ., предисл. и общ. ред. А. Матвеева] / Дж. Л. Коллиер. – М. : Радуга, 1984. – 392 с.
5. Меднис Н. Е. «Религиозный экфрасис» в русской литературе / Н. Е. Меднис // Критика и семиотика. – Вып. 10. – Новосибирск, 2006. – С. 58–67.
6. Полищук Н. А. Самоидентификация джаза в литературе: от первых сборников до антологий и учебных программ // Вестник удмуртского университета : История и филология. – 2015. – Т. 25. – Вып. 5. – С. 170–175.
7. Степанов Ю. Выдающийся поэт Андрей Ширяев : [предисловие к изданию] / Ю. Степанов // Ширяев А. В. Случайный ангел. – М. : Издательство Евгения Степанова, 2016. – 60 с.
8. Франк С. Заражение страстями или текстовая «наглядность»: *pathos* и *ekphrasis* у Гоголя / С. Франк // Экфрасис в русской литературе : труды Лозаннского симпозиума / [под ред. Л. Геллера]. – М. : МИК, 2002. – С. 32–41.
9. Ходель Р. Экфрасис и «демодализация» высказывания / Р. Ходель // Экфрасис в русской литературе : труды Лозаннского симпозиума / [под ред. Л. Геллера]. – М. : МИК, 2002. – С. 23–31.
10. Элиаде М. Шаманизм: архаические техники экстаза / М. Элиаде. – К. : София, 2000. – 480 с.

Фокіна С.О.

Одеський національний університет ім. І. І. Мечникова

кафедра світової літератури

СМИСЛОВИЙ ПОТЕНЦІАЛ ДЖАЗОВИХ КОННОТАЦІЙ У ПОЕТИЧНОМУ СВІТІ А. ШИРЯЄВА

У статті увагу зосереджено на осмисленні поняття «Джазовий екфрасіс» та розкривається його потенціал. Розглянуто як екфрасіс в цілому має високу міру інтерпретаційного потенціалу, що актуалізує в сприйнятті читача авторські інтенції. Проаналізована символічна специфіка джазу відповідно до експлікації тем пасіонарності та пристрастей. Виявлено наскільки джазовий екфрасіс сприяє процесу семіотизації пристрастей. Вивчено, як джазовий екфрасіс виражає через певну знакову та символічну систему різні варіанти розвитку ліричного сюжету. Показано як важливий аспект джазової художньої ідеології – потенційна діалогічність – сприяє семіотизації пристрастей за допомогою джазових кодів і метафор. На матеріалі вірша Андрія Ширяєва «Розчерк вітру. Вибігаю по клавішах...» проілюстровано кореляцію кодів джазового екфрасіса та семіотики пристрастей як показників міфологізованого волею поета авторської свідомості. Проаналізовано, як тема музики у вірші А. Ширяєва нерозривно пов'язана з переживанням екстазу і джазових асоціацій, що акцентуються автором.

Ключові слова: джазовий екфрасіс, семіотизація пристрастей, музичні коди, авторський міф.

Svetlana Fokina

Odessa I. I. Mechnikov National University,
department of World Literature

SEMANTIC POTENTIAL OF JAZZ CONNOTATIONS IN THE POETIC WORLD OF A. SHIRYAEV

In the article the attention is concentrated on the comprehension of the concept «jazz ekfrasis» and his potential is realized. It is considered as ekfrasis in general possesses high degree of the interpretative potential staticizing author's intensions in perception of the reader. The symbolical specifics of the jazz according to an explication that a passionarity and passions are analysed. It is revealed how jazz ekfrasis promotes process of a semiotization of passions. It is studied as jazz ekfrasis expresses various options of development of a lyrical plot through a certain sign and symbolical system. It is shown as important aspect of jazz art ideology – potential dialogicity – promotes a semiotization of passions by means of jazz codes and metaphors. On material of the poem of Andrey Shiryayev «A wind stroke. I run up on keys ...» it is illustrated correlation of codes of a jazz ekfrasis and semiotics of passions as indicators of the poet of author's consciousness mythologized by will. It is analysed as the music subject in A. Shiryayev's poem is indissolubly connected with experience of ecstasy and the jazz associations accented by the author.

Keywords: jazz ekfrasis, semiotization of passions, musical codes, author's myth.

REFERENCES

1. Geller, L. (2002), "Revival of a concept, or Word about an ekphrasis", *Jekfrasis v russkoj literature : trudy Lozanskogo simpoziuma ; pod red. L. Gellera* [Ekfrasis in the Russian literature: works of the Lausanne symposium ; under the editorship of L. Geller], MIK, Moscow, Russia, pp. 5–22.
2. Girin, Ju. N. (2013), "Literature in the system of culture of avant-garde", Thesis abstract for Cand. Sc. (Philology), 10.01.03 "Literature of the people of the countries of the abroad", Moscow, Russia.
3. Grejmas, A. Zh. and Fontanij, Zh. (2007), *Semiotika strastej. Ot sostojanija veshhej k sostojaniju dushi* [Semiotics of passions. From a condition of things to state of mind], Translated by Merkulova, I. G., LKI, Moscow, Russia.
4. Kollier, Dzh. L. (1984), *Stanovlenie dzhaza* [Formation of jazz], Translated by Matveev, A., Raduga, Moscow, Russia.
5. Mednis, N. E. (2006), "Religious ekphrasis" in the Russian literature", *Critic and semiotics*, issue 10, Novosibirsk, pp. 58–67.
6. Polishhuk, N. A. (2015), "Self-identification of jazz in literature: from the first collections to anthologies and training programs", *The Bulletin of the Udmurt university: History and philology*, vol. 25, issue 5, pp. 170–175.
7. Stepanov, Ju. (2016), "Outstanding poet Andrey Shiryaev: [the preface to the edition]", *Shirjaev A. V. Sluchajnyj angel: [kniga stihov]*, Izdatel'stvo Evgenija Stepanova, , Moscow, Russia.
8. Frank, S. (2002), "Infection with passions or text "presentation": pathos and ekphrasis at Gogol", *Jekfrasis v russkoj literature : trudy Lozanskogo simpoziuma ; pod red. L. Gellera* [Ekfrasis in the Russian literature: works of the Lausanne symposium ; under the editorship of L. Geller], MIK, Moscow, Russia, pp. 32–41.
9. Hodel', R. (2002), "Ekfrasis and "demodalization" of a statement", *Jekfrasis v russkoj literature : trudy Lozanskogo simpoziuma ; pod red. L. Gellera* [Ekfrasis in the Russian literature: works of the Lausanne symposium ; under the editorship of L. Geller], MIK, Moscow, Russia, pp. 23–31.
10. Jeliade, M. (2000), *Shamanizm: arhaicheskie tehniki jekstaza* [Shamanism: archaic technicians of ecstasy], Sofija, Kiev, Ukraine.

Статтю подано до редколегії 10 вересня 2017 р.